

Т. Г. Иванова
(Санкт-Петербург)

НЕВА В ПРОСТРАНСТВЕ БЫЛИН

Аннотация: В статье рассматривается функционирование гидронима *Нева* в былинах. Семантика названия реки складывается из двух составляющих: реально-географической (в классических текстах былин) и мифологической. Актуализация мифологической семантики в образе Невы происходит при разложении эпической традиции.

Ключевые слова: былины, Нева, Русский Север.

Abstract: In article functioning of a gidronim Neva in bylinas is considered. Semantics of the name of the river consists of two components: real and geographical (in classical texts of bylinas) and mythological. Updating of mythological semantics in an image of Neva happens at decomposition of epic tradition.

Keywords: bylinas, Neva, Russian North.

Пространство, так же как и время, является одним из важнейших факторов, характеризующих специфику того или иного фольклорного жанра. Былинное пространство в значительной степени определяется топонимами и гидронимами — реально-историческими и реально-географическими.

Наш опыт исследования гидронима Волхов — частотного в былинах новгородского цикла и, без сомнения, изначального, вошедшего в песенный эпос в X–XIII в., когда былины складывались, — показал, что семантика названия этой реки, на которой стоит Новгород, складывается из двух составляющих: исторической и мифологической. Реально-географический Волхов оказывается одним из маркеров исторической памяти русского песенного эпоса. В новгородском цикле былин Волхов рисуется как река в пределах Новгорода, река, на которой стоит реально-исторический мост, и как часть водного пути, знакомого новгородцам

(«своя» река). Исследование семантики эпического Волхова показало, что реально-географическое содержание является доминирующим для данного гидронима. В то же время в былинном Волхове прочитываются и мифологические основы, определяемые водной природой объекта. Анализируя семантику эпического Волхова, мы попытались установить связи данного географического названия со словом «волх» (волшебник, кудесник); указать на случаи трансформации Волхова в «чужую» реку; осветить примеры выхолащивания исторической памяти в былинах и замены реально-исторического и реально-географического новгородского Волхова на мифологический Дунай, а Волхова моста на мифологический «калинов» мост. В исследовании Волхова выявилась своеобразная синусоида: изначальное «мифологическое» (река) (для Волхова остается за пределами известной нам былинной традиции) — «историческое» (отражает классическое состояние былинной традиции) — «вторично мифологическое» (отражает затухание былинной традиции, во время которого воссоздаются глубинные мифологические смыслы гидронима)¹⁴.

В настоящей статье мы обратимся к гидрониму, связанному с Волховом реально-географически, — Нева-река. В отличие от Волхова Нева занимает явно периферийное место в песенно-эпическом пространстве: это редкий топоним. Полагаем, что Нева — это еще и поздний гидроним. Мы уже выдвигали этот тезис в статье «Поздние топонимы в эпическом пространстве былин северо-востока Русского Севера»¹⁵, относя его включение в былинное пространство к XVIII в., когда Приневские земли были присоединены к России, а на берегу реки был поставлен Санкт-Петербург. Не отвергая полностью этот тезис, укажем однако, что новгородцам Нева была известна издревле, и не исключим, что гидроним вошел в эпическое пространство много ранее XVIII в.

Главным инструментарием в исследовании для нас послужили указатели географических названий в серии «Былины» Свода русского фольклора¹⁶. Анализ гидронима Нева показал, что, как и

¹⁴ *Иванова Т. Г.* Река Волхов в былинах (к вопросу об исторической памяти русского эпоса) // Русский Север. Вып. 1: Идентичности, память, биографический текст. К 95-летию К. В. Чистова. СПб., 2017. С. 165–182.

¹⁵ *Иванова Т. Г.* Поздние топонимы в эпическом пространстве былин северо-востока Русского Севера // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 2016. Т. 35. С. 64–65.

¹⁶ См. список сокращений: Печора — Былины Печоры / Изд. подгот. В. И. Еремينا, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова. СПб.; М., 2001 (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 1–2); Мезень —

при исследовании Волхова, мы можем выявить в былинах реально-географические и мифологические основы этого водного объекта.

1. Нева — реально-географическая река. Нева как реальный географический объект предстает, что вполне ожидаемо, прежде всего в былинах новгородского цикла. Нева — это часть водного пути на Запад, хорошо знакомого Великому Новгороду: Волхов — Ладожское озеро — Нева — (Балтийское) море. Топос с четырьмя названными топонимами наличествует в обоих главных новгородских сюжетах — в былинах о Садко и Василии Буслаеве.

Реалистически точный водный путь описывается в былине известного пудожского сказителя А. П. Сорокина о Садко (запись 1861 г.). Споря с новгородцами о богатстве, Садко строит тридцать кораблей, нагружает их скупленными новгородскими товарами и отправляется — здесь былина нарушает соответствие географии — в Золотую Орду:

Поехал Садке по Волхову,
Со Волхово во Ладожско,
А со Ладожско во Неву-реку,
А со Невы-реки во сине море.
Как поехал он по синю морю,
Воротил он в Золоту Орду.

(Пудога, 18 (1), № 525, ст. 173–178; ср. в записи А. Ф. Гильфердинга (1871 г.) от того же сказителя А. П. Сорокина: № 526, ст. 306–311).

Других примеров фиксации этого топоса в XIX в. мы не обнаружили. Топос «Волхов — Ладожское озеро — Нева — море» мы находим в записях 1930-х гг., причем в вариантах сказителей, чей репертуар подвергся влиянию книжных источников. В былине о Садко, записанной в 1938 г. от уроженки Пудожья А. М. Пашковой, читаем:

Как из славного да Нова города
Поехал Садко по Волхову,
Из реченьки да из Волхова —
Во озерышко да во Ладожско,
А из Ладожского озера —

Былины Мезени / Изд. подгот. А. А. Горелов, Т. Г. Иванова, А. Н. Мартынова, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Ф. М. Селиванов. СПб.; М., 2003–2006 (Свод...; Т. 3–5); Пудога — Былины Пудогы / Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ю. Кастров, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, Е. И. Якубовская. СПб.; М., 2013–2016 (Свод...; Т. 16–18(1, 2)).

Во матушку Неву-реку,
А со матушки да Невы-реки —
А во морюшко да во синее.
Он держал корабли да во пра́ву руку,
Во праву руку да в Золоту Орду.

(Пудога, 18 (1), № 531, ст. 237–247).

Текст А. М. Пашковой включен в указатель Ю. А. Новикова «Былина и книга»¹⁷. Источником текста сама сказительница называла хрестоматию А. Я. Острогорского «Живое слово: Книга для изучения родного языка» (Пг., 1916. Ч. 3. № 50); в хрестоматии же перепечатана былина А. П. Сорокина в записи А. Ф. Гильфердинга. По шкале близости к тексту-источнику исследователь отмечает былинку А. М. Пашковой цифрой 9 (по 10-балльной шкале).

Рассматриваемый топос встречается и в былине о Садко грамотного сказителя, пудожанина Н. В. Кигачева (запись 1938 г.), чей репертуар, как известно, восходит к хрестоматии А. Оксенова «Народная поэзия» (СПб., 1898. С. 112, и др. издания). В хрестоматии А. Оксенова был напечатан текст все того же А. П. Сорокина в записи П. Н. Рыбникова, а по шкале близости к тексту-источнику вариант Н. В. Кигачева оценен Ю. А. Новиковым цифрой 10. Тем не менее, Н. В. Кигачев в данный топос вносит важное изменение — вместо «синего моря» (у А. П. Сорокина) он вводит «море Балтийское», тем самым усиливая реалистические основы топоса:

И поплыли оне по реке по Волховой,
А со Волхова они в Ладожское,
Со Ладожского во Неву-реку,
Со Невы-реки во море Балтийское.

(Пудога, 18 (1), № 532, ст. 160–163).

Напомним, что топоним «Балтийское море» — поздний. В средневековой Руси Балтийское море называлось Варяжское или Свейское (шведское) море. Полагаем, замещение «синего моря» (общефольклорная формула) «Балтийским морем» вызвано грамотностью сказителя Н. В. Кигачева.

Анализируемый топос наличествует не только в «Садко», но и в сюжете «Поездка Василия Буслаева в Иерусалим». В мезенской старине Я. Т. Авдушева (запись 1901 г.) находим:

Дак поплыл Васильюшко по Волхову
Да на тоё на озёро на Ладужско,

¹⁷ Новиков Ю. А. Былина и книга: Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных былинных текстов. СПб., 2001. С. 173.

Да поплыл Васильюшко по матушке Неве-реке
Да выплыл Васильюшко на синё морё.

(Мезень, 4, № 193, ст. 26–29).

В пудожском варианте «Поездки Василия Буслаева в Иерусалим» Н. В. Кигачева (запись 1938 г.) опять встречаем «Балтийское море»:

И шел Василий с дружиной храброю,
На реку он на Волхову,
И садились они в струги легкия,
Они поплыли по реке по Вóлхову,
А со Вóлхова — во Ладожское,
А с Ладожского — во Неву-реку,
Со Невы-реки оне в Балтийское.

(Пудога, 18 (1), № 524, ст. 22–28).

Естественно, мы не предполагаем, что реальный путь в Иерусалим русских паломников проходил через водное пространство морей, огибающих всю Западную Европу. Художественная логика былин, как и в случае с Золотой Ордой сюжета о Садко, обозначает конечную точку путешествия героя, мыслящуюся как далекая точка и к тому же еще — в рамках оппозиции «свой»/«чужой» — опасная. Эта логика подчинена архаическим, мифологическим по своей сути основам эпоса. (Вспомним, концепции В. Я. Проппа: миф — догосударственный эпос — государственный эпос). Однако в классическом эпосе глубинные мифологические основы трансформируются в исторические, в результате чего и появляются реалии, с одной стороны, абсолютно точно отвечающие географии, а с другой — нарушающие правду реального пространства.

Отметим, что Нева встречается не только в новгородском, но и в киевском цикле былин. Связку «Нева — море», отвечающую правде географии, мы находим в киевском сюжете о Соловье Будимировиче. В пудожском варианте Анфима Савинова (запись 1864 г.) читаем:

Из-под дуба, дуба сыраго,
Из-под той березы с-под наклапины
Матушка Нева широко прошла,
Устьем выпадала во синее море во Вирянское.

(Пудога, 18 (1), № 401, ст. 1–4).

Топоним «море Вирянское» имеет довольно устойчивые позиции в родственном топосе «Волхов — Ладожское озеро — Нева — море» топосе «Волхов — море». В одном из мезенских вариантов былины о Василии Буслаеве (контаминация сюжета «Василий Буслаев и нов-

городцы» и незаконченной старины «Поездка в Иерусалим») путь из Новгорода в Иерусалим рисуется следующим образом:

Подогнули паруса полотняны —
Пошли рекой Волховой,
Вышли в море во Виранское.

(Мезень, 4, № 189, ст. 460–462).

Без сомнения, перед нами сокращенная версия топоса «Волхов — Ладожское озеро — Нева — море». Водные компоненты «Ладожское озеро» и «Нева» выпадают и из другого мезенского варианта, причем гидроним Волхов здесь из художественного текста перемещается в текст сказительской ремарки, что, тем не менее, свидетельствует о напряженности исторической мысли носителей фольклорной традиции. Василий Буслаев плывет в Иерусалим:

Ототкнули притычины серебряны,
Подогнули паруса полóтнны,
(Волхов-реку проехали!)
Вышли в море, во Виранское.

(Мезень, 4, № 188, ст. 446–448).

Возвращение дружины Василия Буслаева из Иерусалима рисуется следующим образом:

Синее море произойдучись,
Вышли в море во Виранское,
В устье реки Волхови.

(Мезень, 4, № 188, ст. 654–656).

В былиноведческой литературе имеется толкование топонима «Виранское море». Былинное Виранское / Вирянское / Веряйское море, встречающееся в старинах о Соловье Будимировиче, П. Милюков возводит к *Wironia / Wirland* — поморская территория Эстляндии при впадении р. Нарвы в Финский залив¹⁸. Былинное «Виранское море» — это часть реального Балтийского моря. Таким образом, историческая память былин сохранила западный водный путь от Волхова с высокой степенью точности.

2. Выхолощивание в образе Невы реально-географического содержания. Следует отметить, что в былинном пространстве топоним «Нева» может терять свое реально-географическое содержание.

Тема пути, которая заложена в рассмотренном топосе «Волхов — Ладожское озеро — Нева — море» и в его сокращенной вер-

¹⁸ Милюков П. Что такое «море Вирянское» и город «Леденец»? (Справка к вопросу о времени и месте происхождения былины о Соловье Будимировиче) // Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями. М., 1900. С. 314–315.

сии «Волхов — Вирянское море», находит место и в одном из вариантов редкой мезенской былины «Идолище сватает племянницу князя Владимира» (сказитель М. Г. Михашин, запись 1901 г.). Как и Соловей Будимирович, Жидовин (Идолище) на тридцати кораблях прибывает в Киев к князю Владимиру:

Как из-за моря-моря — да моря синёго,
Из-за синёго морюшка широкого
Тут пловёт-выплываёт да триццэтть караблей.
Заплывають во матушку во Невесь-реку.

(Мезень, 3, № 26, ст. 1–4).

В данном случае мы наблюдаем искажение нормативного «Нева» (Невесь-река), что является одним из признаков выхолощивания реально-географического содержания. В сюжетном комментарии реально-географического содержания. В сюжетном комментарии, который в мезенском томе составлен Ю. А. Новиковым, топоним «Невесь-река» объясняется следующим образом: «Любопытно стремление певца связать эпический мир со своими родными местами: судя по примечанию собирателя, название реки “Невесь” представляет собой своеобразный симбиоз гидронимов “Нева” и “Несь” (река Мезенского уезда)» (Мезень, 3, с. 479, коммент.).

В некоторых вариантах другой киевской былины — «Дюк Степанович и Чурила Пленкович», — в которой богатыри соревнуются в Киеве и скачут на конях через Днепр, Нева может замещать исконный Днепр. Замещение Днепр → Нева также, несомненно, относится к области выхолощивания реально-географического содержания топонима. Подчеркнем, что названная замена отмечается как на Печоре (восток Русского Севера), так и в Пудожье (запад). Например, в тексте А. А. Шишоловой с Печоры (запись 1942 г.) приезжий богатырь Дюк Степанович и киевский герой Олешенька Попович (функциональная замена традиционного Чурилы) идут на «матушку Неву-реку» (Печора, 1, № 145, ст. 59), где договариваются о состязании («Давай скакать да во Неву-реку, да на конях» — ст. 65), во время которого конь Олеша обрушился в воду, а Дюк Степанович «вытащил его да из Невой-реки» (ст. 72).

Замена Днепр → Нева отмечается и в некоторых пудожских вариантах. В старине П. А. Федулова (запись 1871 г.) Дюк обращается к Щуриле:

Да ай же ты Щурила щапа Пленкович!
Что нам ездить-гулять да во чистом поли,
Мы поедем гулять да за Неву-реку,
Ай по тому гулять станём по крэжинку,
Как по тым по травонькам шелковым,

Ай по тым по цветочкам по лазоревым,
Ай Нева-река три вёрсты ширина.

(Пудога, 18 (1), № 344, ст. 205–211).

Далее имя Невы в былине П. А. Федулова устойчиво повторяется: к Неве «приправил» коня Шурила, где он «огруз с конем, с мечём, с саблей вострыи» (ст. 223–224); «приправил» коня к Неве и Дюк Степанович, спасший киевского богатыря (ст. 227, 234); скача через Неву, возвращается в Киев Дюк Степанович (ст. 239), но Шурила «не смеет ехать з-за Невы-реки» (ст. 243) и «сидит там ведь да за Невой-рекой» (ст. 250).

В пудожском варианте Ф. А. Конашкова (запись 1928 г.) в главных сюжетных узлах мы также находим Неву (Пудога, 18 (1), № 347, ст. 199, 207, 216, 219). Нева упоминается и в прозаическом разрушенном варианте сказителя М. Т. Пахомова из д. Остров на р. Водле, с которым в 1957 г. работали Ю. А. Новиков и Б. П. Кербелите: «Солнышко-князь и назначил их (безымянного киевского богатыря и Дюка Степановича. — *Т. И.*) гулять. От себя тоже богатыря выставил и Дюка Степановича — который лучше выйдет в платьях. Сколько на Дюка Степановича выезжат, всё лучше платье богатыря. Сорок дён прогуляли. Больше нечего. Нашел в подсумке шелковы ботиночки. Опять перефорсил его. Владимир поглядел наряд. “Ну, давай, — говорит, — через реку переезжать, через Неву, кажется”. — “Поезжай, показывай дорогу”» (Пудога, 18 (1), № 368, ст. 5–10).

3. Актуализация мифологической семантики в образе Невы. Как и в случае с рекой Волхов, при выхолащивании историко-географического содержания, в былинной Неве начинают выкристаллизовываться архаические мифологические начала.

В печорской былине «Бой Добрыни с Дунаем» С. Д. Чупрова (запись 1929 г.) в семантике Невы (Невой-реки) прочитывается семантика границы, разделяющей Киев («свое» пространство) и чисто поле («иное или чужое» пространство). В чистом поле Добрыня наезжает на черный шатер, в котором находит накрытый стол и ярлык (письмо) с угрозой: кто попьет-поест, тому не уехать живым. Добрыня не прикасается к съестному и отъезжает от шатра, и только доехав до Невой-реки («Доезжает Добрыня да ко Невой-реки» — Печора, 1, № 134, ст. 33; ср. № 135, ст. 23), принимает решение вернуться в шатер, угоститься в шатре и принять вызов богатыря-противника (Дуная).

Нева возникает в запеве о Турах героической былины «Василий Игнатьевич и Батыга». В печорском варианте А. Д. Осташовой (запись 1902 г.) «гнеды туры» к своей родимой матушке прибывают по Неве-реке:

Не по матушке было по Невы-реки,
Тут плыли-выплывали два гнеды тура.

(Печора, 2, № 197, ст. 1–2).

В данном фрагменте в образе Невы, без сомнения, актуализируются архаические мифологические смыслы водного пространства — реки. Реальная географическая река Нева здесь становится рекой «инога» мира, по которой прибывают туры к своей матушке, владеющей вещим знанием и способной разгадать предзнаменования — грядущие беды Руси.

Рассматриваемый топос (в запеве о Турах) может усложняться образом Волги, которая, по всей вероятности, в эпический мир вошла в XVI в. — с покорением Казанского ханства¹⁹. Старина Г. И. Чупрова записи 1929 г. начинается следующими стихами:

Ай по матушке по Волге, по Невы-реки
Кабы плыли-выплывали два гнеда тура,
Ах как навстречу турица златорогая.

(Печора, 2, № 201, ст. 1–3;

ср. № 205, ст. 1–3 (запись 1929 г.);

№ 206, ст. 1–3 (запись 1942 г.);

№ 211, ст. 1–2 (запись 1964 г.)).

Формула «по матушке по Волге, по Невы-реки» в еще большей степени, чем «по матушке было по Невы-реки» выхолащивает конкретно-географическое содержание топонима Нева и тем самым усиливает мифологические смыслы. Лексема «Нева» здесь, как и «Волга», переходит с уровня видовой на уровень родовой номинации — не конкретная река, а просто образ реки как таковой (ср.: гуси-лебеди — птицы)²⁰.

В мезенской версии рассматриваемого топоса, в запеве о Турах, Нева занимает то же иномирное место, хотя и функционально несколько иное. Иномирность образа Невы в мезенских былинах, подчеркнем, приобретает более явственные очертания, чем в печорских текстах. Здесь мы видим целый сгусток иномирных образов. Туры прибывают к турице златорогой по синю морю (иномирный локус) на славный остров Буян (иномирный локус). В их рассказе о девиче (Богородице), которая выносила Книгу (Евангелие), также присутствуют иномирные и сакральные образы (сер-горюче камень, Божья церковь), в круг которых включена Нева:

¹⁹ *Иванова Т. Г.* Поздние топонимы в эпическом пространстве былин северо-востока Русского Севера // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 2016. Т. 35. С. 51–59.

²⁰ *Хроленко А. Т.* Семантическая структура фольклорного слова // Русский фольклор: Вопросы теории фольклора. Л., 1979. Т. 19. С. 148–149.

А-й выходила девица да из Божьей церкви,
Выносила она Книгу да на буйной главы,
Забродила в Неву-реку по поясу,
Да и клала тут Книгу на сер-горюць камень.

(Мезень, 4, № 175 (1901 г.), ст. 16–19;
ср. № 176 (запись 1901 г.), ст. 15–19;
№ 178 (запись 1901 г.), ст. 17–21).

В печорском варианте (Печора, 2, № 197) роль реки, в которую забредает Богородица и читает Евангелие, играет Почев-река, то есть Почай-река, на которой происходило крещение Руси. Таким образом, Нева может замещать не только Днепр, но и другую иконную реку киевского цикла — Почай-реку (Почай → Нева).

Топоним Нева появляется и в сюжете «Илья Муромец и Святогор», который, как известно, относится к архаическим сюжетам, слабо вписанным в киевский цикл былин. Пространство этого сюжета иномирное (герои путешествуют по Святым горам), и в это иномирное пространство включена Нева. В мезенском прозаическом варианте (сказитель А. А. Оксенов, запись 1928 г.) Илья Муромец, получив силу от Святогора, запруживает вырванными деревьями реку Неву: «Он дерево выдернет из корня — и в Неву мечет. Заметал в Невы́ устьем, другим прорыло» (Мезень, 3, № 4, ст. 13–14). Этот же мотив с образом Невы звучит в тексте на тот же сюжет печорской сказительницы А. Н. Хаханзыкской (запись 1929 г.).

Таким образом, анализ гидронима Нева в песенно-эпическом пространстве подтвердил тенденцию, которую мы уже отмечали в связи с топонимом Волхов: в классических вариантах сюжетов речное пространство рисуется как реально-географическое, при разложении традиции в гидрониме начинают прорастать мифологические начала.

Как мы уже указывали, основным инструментарием при исследовании гидронима Нева нам послужили указатели географических названий в томах «Былины» Свода русского фольклора. Однако напомним, что в настоящее время изданы только тома, посвященные Печоре, Мезени, Кулою, Пинеге и Пудогге. Остальные былинные регионы еще не имеют названного инструментария. Тем не менее, обращение к отдельным классическим изданиям былин, в которых есть указатели имен, позволяет, пусть и не в исчерпывающем виде, осмыслить географию распространения топонима Нева в былинной традиции.

Имеющийся в поле нашего зрения материал обращает внимание на то, что гидроним «Нева» зарегистрирован отнюдь не

во всех региональных традициях. Топоним наличествует на крайнем востоке Русского Севера — на Печоре и Мезени. Однако Нева отсутствует в традициях Кулоя, тесно связанного с Мезенью, и Пинеги. Судя по Указателю имен сборника А. В. Маркова «Беломорские былины» (М., 1901), Нева не встречается и в традиции Зимнего берега Белого моря. Интересующий нас гидроним появляется в Пудожье — в регионе, расположенном за тысячу километров от Мезени. В соседнем же Заонежье этот гидроним, кажется, не нашел места. Во всяком случае, в сборнике П. Н. Рыбникова для региона Заонежье («Именной указатель к былинам (наименования персонажей и реалий)»)²¹ зафиксировано лишь единственное упоминание Невы, причем не в фабульной части былины, а в ее смеховой концовке. Сказитель А. Е. Чуков из Кижей старину «Настасья-королевична и молодец» заканчивает «исходом» (концовкой), в который включена фигура повествователя:

Не успел-то я сегодня угореть,
Пришел вечер, голова стала болеть,
Зашумели самовары на столах.
Поднесите мне зеленого вина:
Отлучить бы от угару голова.
Мимо вашего широкого двора
Протекала нонь широкая Нева,
Мимо ваших белокаменных палат
Протащили Ваньку волоком в кабак.

(Рыбн., 2, № 34, ст.130–138).

Конечно, полное завершение работы над томами, посвященными Заонежью, Кенозеру, Поволжью и Сибири, может внести существенные коррективы в картину распространения гидронима «Нева» в былинной традиции. Тем не менее, полагаем, основные параметры употребления данного топонима мы описали достаточно корректно.

---

²¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Изд. подгот. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец. Петрозаводск, 1990. Т. 2. С. 579–597. Далее — Рыбн.